

Бесконечная болтовня Старины Ни прекратилась в тот момент, когда в класс вошёл учитель-красавчик.

Весь класс вздохнул с облегчением.

Когда учительница Цзя вошла, раздала задания по китайскому языку и сделала краткий итог, зимние каникулы официально начались.

Сун Хайлинь катил инвалидное кресло Су Шэня домой, окружённый толпой одноклассников.

Мошка, сделав пару шагов, задавала вопросы:

— Су Шэнь, какой ответ ты выбрал в первом вопросе?

— А во втором?

— ...В третьем?

— Четвёртый я тоже не совсем уверена.

Её назойливое жужжание раздражало Сун Хайлиня, и он сказал:

— Разве ваш учитель не говорил, что после экзамена не нужно обсуждать ответы?

Мошка надула губы, но, помня о психологической травме, оставленной Сун Хайлинем в день его перевода в школу, не осмелилась возразить.

Зато Толстяк, шедший рядом, вставил:

— Это правило действует только сразу после экзамена. Сейчас все уже закончилось.

— Если всё закончилось, то тем более не нужно обсуждать, — Сун Хайлинь бросил на Толстяка взгляд.

— К тому же, это бесполезно, всё уже сдано, — Луань Цзин-нянь, до этого молчавшая, внезапно вмешалась.

Су Шэнь с лёгкой улыбкой развернул конфету и положил её в рот, не говоря ни слова.

Он протянул большой пакет с конфетами по кругу, но все отшатнулись, как будто их оттолкнула невидимая сила. Толстяк отпрыгнул на три шага назад, скорчив рожицу, будто уже попробовал конфету.

Наконец, пакет дошёл до Луань Цзин-нянь.

Она с недоумением огляделась. Сун Хайлинь смотрел на пакет с конфетами и смеялся, не понимая, в чём дело. Гу Янь'эр, молчавшая до этого, украдкой помахала рукой в сторону Су Шэня.

Луань Цзин-нянь нахмурилась, не понимая, что за игра идёт.

Но выражение лица Су Шэня казалось искренним, и даже когда все отказались от его конфет, в его глазах мелькнула тень разочарования.

Она осторожно взяла одну конфету.

— Спасибо.

Ярко-зелёная обёртка с невзрачным узором. Может, все отказались из-за непривлекательной упаковки?

На вкус она, вероятно, не так уж плоха.

Затем она развернула конфету и положила её в рот.

Все, кто шёл рядом, уставились на неё, и, как и ожидалось, её лицо скривилось. Только тогда все, кто сдерживал смех, разразились хохотом.

Особенно громко смеялся Су Шэнь.

Толстяк хлопал Гу Яня по плечу, его щёки тряслись от смеха, и он, вытирая слёзы, говорил:

— Ха-ха-ха, наш класс только тебя и не успел разыграть, ха-ха-ха, теперь понимаешь, почему мы не брали конфеты?

Луань Цзин-нянь вдруг почувствовала что-то странное.

Это было чувство принадлежности.

Как будто в этом классе всегда была маленькая тайна, которую знали все, и теперь, поделившись ею с ней, они приняли её в свой круг. Это чувство было странно приятным.

Даже та конфета оказалась сладкой.

Хотя упаковка была уродливой, на вкус она была неплохой.

Сун Хайлинь смеялся, как осёл, и не прекращал всю дорогу, говоря:

— Неудивительно, что ты так смеялся, когда разыгрывал меня, это было просто уморительно, как ты скривила лицо.

Су Шэнь с сочувствием посмотрел на него и легкомысленно сказал:

— Ты скривился хуже всех.

Сун Хайлинь резко перестал смеяться, и, остановившись слишком резко, даже подавился.

— Посмотри на меня, разве я могу быть некрасивым? С таким лицом, даже скривившись, я буду выглядеть красиво, как булочка.

— Булочка, — Су Шэнь кивнул с серьёзным видом. — Да, красиво.

Прежде чем Сун Хайлинь успел возгордиться, он добавил:

— Но проблема в том, что ты — булочка, которую даже собаки не едят. Тонкая корочка, много начинки и восемнадцать складок.

— Хотя бы я получил тонкую корочку и много начинки... — Сун Хайлинь упрямо пытался одержать верх в словесной перепалке, но не успел закончить, как рядом раздался громкий звук автомобильного гудка.

Хорошо, что его уши привыкли к громкому звонку у двери класса, иначе он бы точно вскочил и начал ругаться.

Су Шэнь прищурился на машину.

Он увидел четыре кольца на задней части автомобиля.

Первое, что пришло ему в голову, было «пьяный водитель, пьяный водитель, пьяный водитель».

Логично было бы предположить, что за эти годы, когда телефоны эволюционировали от простых устройств до смартфонов, модель Audi должна была измениться сотни раз, но, увидев эту машину, он сразу вспомнил ту, которую видел бесчисленное количество раз в газетах.

Он тряхнул головой, пытаясь выбросить из головы мысли о пьяном водителе, но вместо этого в его голове зациклилось «вперёд, вперёд, вперёд».

Машина свернула перед ними и остановилась, перегородив дорогу.

Хорошо, что это была не главная улица.

Сун Хайлинь с того момента, как услышал гудок, перестал идти вперёд.

Су Шэнь оглянулся на него.

Сун Хайлинь смотрел на дверь машины без особого выражения.

Дверь открылась, и из неё вышла пара чёрных туфель на каблуках.

Сун Хайлинь издали крикнул:

— Мама.

Мама?

Су Шэнь был так далёк от этого слова, что, когда Сун Хайлинь произнёс его, он замер на четверть минуты, прежде чем понял, что это не «лошадь», не «конопля» и не «вот», а «мама».

Та самая мама.

— Хайлинь.

— Мама, — произнесла она.

На ней было светло-пальто, цвет которого Су Шэнь не мог определить. Она не закрыла дверь машины и быстро направилась к ним.

Сун Хайлинь обошёл Су Шэня, как будто заслоняя его, и сказал матери:

— Что ты здесь делаешь?

— Что, так понравилось, что не хочешь возвращаться? Я приехала забрать тебя.

Услышав слово «возвращаться», Сун Хайлинь вдруг задумался. Так... уже? Так скоро? Неужели он больше не будет жить здесь, без интернета?

Вспомнив это, он вдруг понял, что чувство, которое он представлял себе как мучительное, оказалось совсем другим. Теперь, когда пришло время уезжать, ему стало немного жаль.

Эти несколько месяцев были реальными, осязаемыми, но в то же время казались каким-то

нереальным сном. От первоначального отвращения до полного вливания в коллектив, каждый человек здесь казался ему живым, настоящим. Одноклассники, учителя, старушки и старики на улице, ленивый охранник у ворот, владельцы маленьких магазинчиков, тот парень, который любил хвастаться перед Тянь Чжэ и приставать к нему.

К этому захоластью он испытывал скорее привязанность.

Здесь, казалось бы, ничего не было, ничего хорошего, но...

Он машинально посмотрел на Су Шэня.

Нельзя не признать, что ему здесь нравилось.

Очень нравилось.

Прежде чем он успел что-то сказать, мать Сун Хайлинь потянула за его чёрную пуховку и с отвращением сказала:

— Что это за вещь? Куда делись те пальто, которые я тебе дала?

Затем она потянула его за волосы и ткнула в щёку:

— Посмотри, в каком состоянии твои волосы! Крем, который я тебе дала, ты тоже не использовал? Посмотри, как кожа шелушится...

Сун Хайлинь быстро перебил её, сказав:

— Мам.

Мать замолчала, но продолжала дёргать пуховку, всем своим видом выражая отвращение.

Пуховка, которую сейчас носил Сун Хайлинь, была от Су Шэня. Она была тёплой, и он носил её, не возвращая. После слов матери он почувствовал себя неловко.

Что плохого в этой пуховке? Она хорошая, не маркая и тёплая.

Но его мать была такой — всегда придиралась.

Каждый раз, когда они приходили к бабушке, она начинала возмущаться, что на столе не стоит ваза, которую она купила в прошлый раз, или что чайные приборы стоят вперемешку. Бабушка только молча смотрела, как она всё переставляет.

Сун Хайлинь потянул мать за рукав и сказал:

— Это мой одноклассник.

Су Шэнь тут же поздоровался:

— Здравствуйте, тётя!

Мать Сун Хайлиня только сейчас заметила Су Шэня, сначала удивилась, затем незаметно отвела взгляд от инвалидного кресла и с улыбкой сказала:

— Одноклассник? Здравствуйте, я мама Сун Хайлиня.

— Вы идите, мы сами дойдём, — сказал Сун Хайлинь. — Впереди поворот, и мы уже дома.

Су Шэнь чувствовал, что мать Сун Хайлиня была не из лёгких в общении.

Это чувство исходило от высокомерного отношения незнакомого человека. Су Шэнь это ощущал сильно, хотя мать Сун Хайлиня улыбалась вполне дружелюбно, но её превосходство над ним, как и её отвращение к его пуховке, проявлялось без всяких усилий.

Ему было не по себе.

Странно.

<http://bllate.org/book/15285/1350526>